

Глава 27: Что такое страх?

В те первые неопределенные ночи, привыкая к мучительному ритму и весу шахтерского топора, в измученном Северном начали кристаллизироваться фрагментарные представления.

Во-первых, он был не один - другие несчастные души, возможно, человеческие или звериные по природе, наверняка страдали от подобной жестокой неволи в этом подземном ГУЛАГе, порабощенные для добычи этих странных красных кристаллов в целях, таких же непрозрачных, как и побуждения их надзирателя.

Было бы неудивительно предположить, что это мрачное дело представляет собой логово или даже нечестивые питомники тех бездонных демонов, ответственных за кровавую резню, с которой началось его кошмарное пробуждение.

Что касается этих своеобразных кристаллов, с первого же мига пробуждения Северный ощущал глубоко тревожную родственную связь между их багровым оттенком и застывшим морем крови, расписавшим ту смертоносную пустошь.

Хотя поначалу он отмел это представление как бред, вызванный шоком, каждый удар его топора, погружавшийся все глубже, лишь усиливал тошнотворные приступы узнавания.

Ибо казалось, что эти кристаллы с эбеновым ядром резонируют с некой... кровожадной злокозненностью.

Чем дальше рубил Северный, тем более ощутимо эта жажда крови воплощалась в призрачное лезвие, рассекающее его и без того содранную кожу при каждом усталом ударе.

Его грубый надзиратель, разумеется, не проявлял ни малейшего интереса или видимого осознания этого тревожного феномена.

Северный тщетно пытался обойти это, но безуспешно - жестокая рутина не оставляла ни передышки, ни возможности отвлечься, пока холм не будет полностью выкопан.

Процесс разворачивался в беспощадных этапах: сначала сбивали тяжелыми, оглушительными ударами алое "ядро" кристаллов (что чудовище проделывало с небрежной легкостью), а затем систематически извлекали их зловещие сердцевины утомительными, поэтапными ударами на разрушение.

Возникало все более праздным вопросом, были ли те красные склоны следствием продолжительного просачивания зловещей энергии кристаллов или же наоборот, перед лицом непрекращающихся трудов.

Чем больше Северный размышлял о бушующих аурах, пропитывающих его мрачную добычу,

тем больше они захватывали его остатки самообладания.

Ибо самая страшная угроза для этого робкого юноши шла далее изнуряющего труда, поражающих ран, недоедания или бессонницы.

Более коварно, само ощущение личности... самого человеческого существа... постепенно стало развеиваться под оглушительным ритмом лишений, ужаса и неустанного напряжения.

Конечно, поначалу он яростно сопротивлялся этому ползучему отчуждению, решительно цепляясь за свою индивидуальность каждым лоскутком воли.

Этот бунтарский огонек породил в его разрозненных представлениях новую, лихорадочную надежду, пылающую в груди, словно тлеющие угли поднятой доменной печи, - нереалистичную, рожденную жаждой мести, но бесспорно притягательную.

Ибо с каждым мучительным циклом ранений, принудительного голода и почти постоянного бодрствования, обуревающее пленника негодование к его тюремщику перерождалось в мощное, глубоко личное желание возмездия.

Поначалу это было лишь горькой фантазией, чтобы притупить его страдания, но это стремление окрепло в торжественную клятву, когда Северный впервые заметил, как аура чудовища мерцает откровенно убийственными намерениями - вампирическое мрачное пятно, подтверждающее, что его надзиратель относится к числу высших хищников, наравне с грозным Ночным кошмаром, если не превосходя его.

Это первое ощущение, что Северный, возможно, обладает способностью противостоять такому эльдритскому ужасу, как безумная абсурдность, кристаллизовало его подрывные грезы в почти религиозный пыл.

Он молчаливо поклялся отомстить, невзирая на шансы или временную незначительность своего жалкого существования.

Эта эпохальная минута наступила в одном злополучном цикле, когда он трудился в тумане лопающихся волдырей, кровоточащих ран и мучительных судорог, угрожающих парализовать его конечности в любой момент.

Топор выскользнул из окровавленных рук Северного, ударившись о пол пещеры глухим звоном, что вызвало немедленную реакцию.

Нависающий страж повернулся к этому упущению с угрожающим рычанием, сжимая свой собственный клинок с хищным намерением.

Взгляд Северного встретился с его бездонными глубинами, вновь узнавая тот неоспоримый

проблеск, обещающий сокрушительную кару.

Довольно. Он был сломлен, балансируя на грани полного поражения после бесконечных ночей, сливающихся в калейдоскоп мук.

Боль и отчаяние хлынули из самых глубин его сердцевины, беспощадно сокрушая его и без того хрупкие защиты.

Топор полностью выскользнул из его рук, когда он опустился на колени, непоколебимый.

"Я больше не могу... продолжать это. Смерть... предпочтительнее..."

Все упрямое бахвальство, неустанные внутренние подбадривания, уверяющие, что это всего лишь преходящие, краткосрочные лишения, перед которыми чудесным образом закончатся страдания, - все эти успокоительные выдумки разбились, подобно хрупкому стеклу.

В этом отрезвляющем озарении Северный осознал, что лживые сказки, которыми он убеждал себя, чтобы выдержать ад, непосильный для человека.

Его прежняя стойкость была либо доблестной позицией против отчаяния... либо этот миг дикого смирения - истинное проявление трусости, оправдание для капитуляции, а не стойкости.

Он больше не мог различить разницу.

Бурный поток безумия, боли и утраты самосознания поглотил его сознание.

Если смерть предлагает единственное спасение от этих бесконечных мук, тогда он, наконец, готов принять ее освобождающую пустоту.

Да будет так.

Чудовище издало еще один хриплый лай и вознесло свой топор, чуя добычу.

Северный даже не пытался избежать смертоносной дуги, несмотря на отголоски отцовских скромных боевых навыков, кричащих из глубин его сознания.

Однако в последнюю минуту ему удалось собрать жалкие остатки, совершив робкий уклон, и безжалостное лезвие обрушилось на его изодранную плоть в ослепительной вспышке жгучей агонии.

Артериальная кровь хлынула из раны, когда чудовище рывком вытащило топор, обагрённый кровавой жижей.

Крича, Северный рухнул, когда удручающая реальность пронзила его разум в ментальном параллаксе:

"Я... умираю..."

Его жизненные резервы стремительно истекали в расширяющийся алый пул, даже когда надменный монстр возвышался над ним, беспощадный палач, готовясь нанести завершающий удар.

В те трансцендентные моменты перед его взором пронеслись два эфемерных существования - сначала его борьба с недугом, а затем пробуждение в Тра-эле, преисполненное решимости схватить яркую жизнь, достигнув чего-то выдающегося, будь то академическое совершенство или воинское мастерство.

Каждый путь исповедовал основополагающую доктрину отвержения тщетности надежды ради неуклонной самореализации.

И вот он стоял на коленях в кровавом чистилище, цепляясь за отвергнутую, тайно поддерживаемую надежду, словно за вероломный спасательный круг, несмотря на свои непоколебимые убеждения.

Суровая реальность не могла быть ярче или презреннее - и все же, столкнувшись с ее чудовищным вестником, неопровержимая истина заключалась в том, что Северный не обладал стоической отвагой, чтобы полностью принять небытие, отречься даже от этой призрачной, самообманчивой хватки за мечту о стойкости.

Ибо в его сознании продолжали извиваться слишком много коварных страхов: страх испытать саму смерть в когтях этого злого исполина.

Страх больше никогда не увидит своих любимых... родителей, свою еще не родившуюся сестру.

Страх неудачи, посредственности, стать еще одним потерянным лицом во Вселенной.

Но, возможно, самый коварный - страх того, что за чудовищная неизвестность ждет его по ту сторону этих пронзающих мучений.

И эти страхи... эти ограничения... оказались его гибелью.

Когда рваная борозда в его плече пронзила ослепляющей болью, душераздирающий вопль ужаса и ярости вырвался из горла Северного, искажая его бледные черты в первобытную маску смертельного страха.

Чудовище лишь презрительно усмехнулось и обрушило наверх топора в жестоком ударе, сокрушая сознание Северного в благословенную, бесконечную тьму.

<http://tl.rulate.ru/book/106475/3876943>